

М. В. РОЖДЕСТВЕНСКАЯ

О новонайденных письмах И. Н. Заволоко (пражский архив)

Имя Ивана Никифоровича Заволоко, ученого-собирателя, замечательного хранителя русской старины, тесно связано с Пушкинским Домом. Сюда, к Владимиру Ивановичу Малышеву, он неоднократно приезжал из Латвии, здесь, в Дрeвлехранилище, находится его коллекция старообрядческих рукописей, сюда он при жизни передал знаменитый Пустозерский сборник с автографами Аввакума и старца Епифания.

Известно, что своей эрудицией и широтой культурных и научных интересов И. Н. Заволоко во многом был обязан годам учения (1923—1927) в Карловом университете в Праге, сначала на естественном, а затем на юридическом факультетах, лекциям читавших там профессоров, участников знаменитого Семинария Н. П. Кондакова (*Seminarium Kondakovianum*). На основе Семинария был создан Археологический институт, после смерти Н. П. Кондакова в 1925 г. названный его именем. Очень скоро он стал центром европейского масштаба по изучению византийского, восточного и древнерусского искусства. Это оказалось возможным благодаря так называемой «Русской акции» — государственной поддержке Чехословакии и лично президента Т. Г. Масарика деятелей культуры и науки русской эмиграции. По этой же причине в 1952 г., когда в Чехословакии уже установилась советская власть, Институт Кондакова был закрыт, а многие его сотрудники подверглись репрессиям и гонениям.

Среди тех, чьи лекции слушал в 1920-е гг. в Праге И. Н. Заволоко, были русские историки и искусствоведы М. А. Андреева, Н. М. Беляев, Г. В. Вернадский, Г. А. Острогорский, А. П. Калитинский, Д. А. Расовский, Н. П. Толль. Однако документальных свидетельств о пражском периоде жизни И. Н. Заволоко мы долгое время не имели. Кроме вполне понятных причин, связанных с недоступным в течение десятилетий изучением культуры русской эмиграции, это объясняется, по-видимому, и судьбой личного архива самого И. Н. Заволоко, который в 1940 г. был арестован органами НКВД, а его богатейшая коллекция рукописей и икон пропала. Вместе с ней, очевидно, пропали или были уничтожены и многие личные письма, особенно от зарубежных корреспондентов. Впоследствии, как известно, И. Н. Заволоко пришлось восстанавливать свою коллекцию заново. Поэтому каждая новая находка из архива И. Н. Заволоко, связанная с Семинарием Кондакова, очень ценна.

История Семинария и Института Кондакова активно изучается в настоящее время.¹ Все больше привлекается к изучению архивных материалов. В 1994—1995 гг. научная общественность России и Чехии отметила юбилейные даты: 150 лет со дня рождения Н. П. Кондакова и 70 лет со дня его смерти. Прошли научные конференции и выставки в С.-Петербурге и Москве. В феврале 1995 г. в Праге состоялся международный Симпозиум, посвященный Н. П. Кондакову (*Symposium Kondakovianum*. 15—17.2.1995), организованный Славянским институтом, Институтом искусствознания Чешской Академии наук и пражской Национальной Галереей искусств. Во время Симпозиума открылись и две выставки — икон из собрания Института Кондакова и выставка архивных и печатных материалов сотрудников Института под названием «Русская интеллектуальная элита в Праге в 1920—1930 гг.». И Симпозиум, и выставки проводились в рамках большой научной программы по изучению истории русской эмиграции чешскими исследователями. В дни работы Симпозиума благодаря любезности заведующего архивом Института искусствознания доктора Иржи Рогачека мне удалось познакомиться с материалами Института Кондакова, хранящимися в этом архиве, и обнаружить в личном фонде Н. М. Беляева пять писем к нему И. Н. Заволоко, отправленных летом и осенью 1929 г. из Риги.²

Адресат И. Н. Заволоко, Николай Михайлович Беляев, родился 11 сентября 1899 г. в Петербурге, умер 23 декабря 1930 г. в Праге и похоронен на Ольшанском кладбище.³ Начав образование в Петербургском университете, он, пройдя путями гражданской войны с армией генерала Корнилова, завершил его уже в Карловом университете в Праге доктором философии. Н. М. Беляев стал активным участником Семинария Кондакова, его секретарем и сотрудником Славянского института. В марте 1923 г. Н. П. Кондаков писал о нем академику С. А. Жебелеву: «Занимается у меня усердно Н. Беляев — племянник бывшего военного министра, очень трудолюбивый юноша, корниловский офицер».⁴ Круг научных интересов Н. М. Беляева — это византийское и русское искусство. Его статьи публиковались в журналах «Евразийская хроника», сборниках «*Seminarium Kondakovianum*», «*Byzantinoslavica*», «*Zografika*».

Он писал об общих вопросах изучения древнерусской иконописи, о богородичных иконах из собр. Солдатенковых, об образе Божьей Матери Пелагонитиссы. Его большая работа об иконе «Благовещение» как новом памятнике греческой иконописи увидела свет в Праге в 1927 г.

В 1928 г. началось издание знаменитого труда Н. П. Кондакова «Русская икона», и первый альбом был сопровожден 65 цветными таблицами. Их краткое описание, выполненное одновременно на пяти языках (русском, чешском, английском, немецком, французском) принадлежит Н. М. Беляеву. Альбом имел посвящение «чешскому народу» в знак благодарности за «Русскую акцию» президента Т. Г. Масарика и за заботу

¹ См., например: Тункина И. В. Н. П. Кондаков: обзор личного фонда // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 93—119; Nicodim Pavlovič Kondakov. Literární Archiv pamětníku Národního Pisemnictví v Praze. Slovanský Ústav. Písemná pozůstavost N. P. Kondakov (1844—1925). Zpracovala Lidice Kopecká a Marta Dandová. Praha, 1995. 23 S.

² Ústav dějin umění AV ČR. Kondakovův Archeologický Institut (1925—1952). K1-28, № 43 (4d, 11). За сообщение о том, что материалы И. Н. Заволоко могут находиться в фонде Н. М. Беляева, благодарю его племянника, историка и археолога С. А. Беляева (Москва).

³ См.: Пашуто В. Т. Русские историки эмигранты в Европе. М., 1992. Там же перечень основных работ Н. М. Беляева.

⁴ Письмо находится в СПб. филиале Архива РАН. Сообщено мне И. В. Тункиной, которую благодарю.

о сохранении русской культуры в эмиграции. Но вернемся к И. Н. Заволоко.

После возвращения из Праги в Латвию он становится одним из самых активных деятелей Гребенщиковской старообрядческой общины в Риге, издателем и постоянным автором выходящего там журнала «Родная старина», продолжает по мере возможности сохранять связь с Институтом Кондакова, с пражскими коллегами.

В № 5/6 «Родной старины» за 1928 г. И. Н. Заволоко поместил краткую заметку о Семинарии, знакомя русских читателей в Латвии с его историей и работой. Статья не была подписана, но, без сомнения, она принадлежит самому И. Н. Заволоко. Среди постоянных участников Семинарии в ней автор назвал княгиню Н. Г. Яшвиль, ее дочь Т. Н. Родзянко, Л. П. Кондрацкую, А. И. Вернадскую. Эти женщины много сделали для организации и работы художественных мастерских русской иконописи и церковного шитья в Праге. Названный номер «Родной старины» был целиком посвящен иконе. Ранее, в № 3 журнала, в отчете-хронике о работе «Кружка ревнителей старины» при Гребенщиковской общине («Кружок» был создан в июне 1927 г.) сообщалось о намерении организовать в Риге также мастерскую иконописи и прикладного искусства, именно вышивки. Как и пражские коллеги, И. Н. Заволоко и его единомышленники в общине стремились не дать угаснуть традиции, поэтому Иван Никифорович так внимательно следил за работой местных иконописцев, был тесно связан дружескими отношениями с старообрядческими «изографами» из Причудья: знаменитым Гавриилом Ефимовичем Фроловым и его учеником Пименом Максимовичем Софроновым, также постоянными авторами «Родной старины».⁵ Именно они отреставрировали иконостас молельни Гребенщиковской общины, и Иван Никифорович не раз ездил к ним в Эстонию и в Латгалию для знакомства с иконами в старообрядческих молельнях и частных собраниях. В августе 1928 г. в Ригу приехал известный искусствовед, автор тогда уже знаменитых «Образов Италии» П. П. Муратов. Вместе с И. Н. Заволоко и членами «Кружка» он осмотрел иконы староверческого Успенского храма, выступил с лекцией, консультировал реставраторов. В одном из номеров «Родной старины» помещена фотография членов «Кружка», участников этой встречи, вместе с П. П. Муратовым и И. Н. Заволоко. И уже осенью того же года П. М. Софроновым была организована в Риге иконописная мастерская, где писались новые и реставрировались старые иконы. После приезда П. П. Муратова завязывается переписка «Кружка» с иконописными мастерскими Парижа и Праги.

Обо всем этом рассказывалось на страницах «Родной старины». Обязательное изучение зарубежных архивов могло бы дать новые дополнительные сведения об этом периоде работы И. Н. Заволоко и всего «Кружка». Конечно, П. П. Муратов был в Гребенщиковской общине не случайным гостем. Организатор выставки 1913 г. «Русская икона» в Москве, реставратор икон в соборах московского Кремля, паломник по севернорусским монастырям, работавший с коллекциями Остроухова, Рябушинского, Прянишникова, Егорова, Щукина, издавший монографию о собрании икон И. С. Остроухова (1914), П. П. Муратов рассматривал икону в единстве ее восточных и западных эстетических традиций. Он

⁵ В фонде И. Н. Заволоко в Древлехранилище Пушкинского Дома, который описан Г. В. Маркеловым, сохранились разнообразные материалы, связанные с Г. Е. Фроловым и П. М. Софроновым (1880-е—1929 гг.). См.: Маркелов Г. В. Обзор фонда И. Н. Заволоко // ТОДРЛ. М.; Л., 1979. Т. 34. С. 377—387.

развивал иной, в отличие от строго иконографического, принцип изучения иконы. Это были разные с Н. П. Кондаковым искусствоведческие направления. И потому трудно переоценить уровень и широту научных и просветительских устремлений И. Н. Заволоко, старавшегося объединить разные европейские научные и художественные силы для изучения и сохранения русской культурной традиции за пределами России. Следует обратить внимание на тот круг людей, с которыми общался и к которым обращался И. Н. Заволоко: это были отнюдь не только старообрядческие наставники и иконописцы. В «Кружке ревнителей старины» выступали с лекциями, а в «Родной старине» постоянно печатались ученые.

В 1928 г. проф. С. В. Завадский читал лекцию «Храните чистоту русского языка», что было особенно актуально в иноязычном окружении, проф. В. В. Зеньковский — лекцию «Наука и религия», проводились вечера памяти кн. М. К. Тенишевой, Н. П. Кондакова, а позже — Н. М. Беляева. Печатались в журнале статьи пражских ученых М. Шмурло, С. Шахматова, Н. Толля. Деятельность И. Н. Заволоко таким образом носила общеевропейский характер.

Новонайденные письма И. Н. Заволоко к Н. М. Беляеву также касаются их общих интересов: речь идет об устройстве выставки икон в Риге и о приглашении Н. М. Беляева в Ригу с лекциями. Устройство выставок русского искусства в Риге — одна из важнейших сторон деятельности «Кружка» и самого И. Н. Заволоко. Подобная выставка устраивалась годом раньше, в 1928 г., с отделами церковным, народных вышивок и узоров, кустарным, керамики, фарфора. Выставка, организуемая осенью 1929 г., должна была представлять в основном русскую икону.

Прочитирую полностью первое по времени письмо И. Н. Заволоко:

Рига, 21 июня 1929 г. Н. М. Беляеву. Прага.

Глубокоуважаемый Николай Михайлович!

В октябре месяце текущего года устраивается в Риге выставка «Русская икона». В связи с этим прошу не отказать в любезности и сообщить, не согласились ли бы Вы прочитать в Риге в течение выставки одну-две лекции о русской иконе. К сожалению, Кружок, который устраивает выставку, не располагает особенно средствами, и поэтому мы можем гарантировать Вам лишь расходы, стол и кров. Во время Вашего пребывания мы можем осмотреть богатое хранилище икон местного староверческого храма в Риге, а также и редкие иконы из Латгалии. Если Вы принципиально согласны, то известите меня об этом, указав и тему Ваших докладов. Просим также указать, не согласился ли бы принять участие в нашей выставке и Семинар проф. Кондакова (репродукции с икон, издания Семинара и работы пражских иконописцев). В одном из своих писем я сообщал о собранном мною материале в виде фотографий редких икон староверческих храмов Латгалии и Эстонии и их описаний. При настоящем письме приложено два снимка с редкой иконы новгородского письма Благовещения Пресв. [Богороди]цы, которая обнаружена мною в Рижском старообрядческом храме. Если бы не детали архитектуры, я бы ее отнес к XIV—XV в. Некоторое смущение вызывает и изображение служанки, которое, по всей вероятности, написано позже. Хотелось бы узнать Ваше мнение об этой иконе. Для характеристики пробелов этой иконы на одном из снимков помещено изображение детали иконы. Если необходимо, пришлю более подробное описание этой иконы.

С совершенным почтением

Заволоко.

Из следующего письма Ивана Никифоровича, датированного 25 августа, следует, что Н. М. Беляев принял его приглашение: «С большой радостью узнал о Вашей готовности приехать в Ригу и прочесть доклады о русской иконе». И далее: «Рижане еще мало привыкли к серьезным темам, поэтому желательно их предварительно познакомить вообще с русской иконой».

Затем И. Н. Заволоко оговаривал все условия возможного приезда Н. М. Беляева, сообщал о хлопотах о въездной визе для него, документах и т. д. Он подробно делится с Н. М. Беляевым замыслом самой выставки, перечисляет издания Семинария, которые хотел бы получить из Праги к открытию, пишет о репродукциях из книги Н. П. Кондакова «Русская икона», которые «можно было бы застеклить и продавать в дни выставки», предлагает Н. М. Беляеву программу его пребывания в Латвии: «В Риге (а если позволит время, то съездим и в Латгалию) Вы найдете много интересного. В одной рижской старообрядческой общине свыше 500 икон, правда, главным образом, поморского (скитского) письма, но есть и оригиналы новгородского письма. В Режице у меня зарегистрировано довольно много икон весьма древних (XV—XVI вв.). Словом, буду ожидать с нетерпением Вашего приезда».

Н. М. Беляев откликнулся и на вопросы И. Н. Заволоко относительно иконы «Благовещение». Иван Никифорович благодарил его за ценные указания и писал, что «икона требует внимательного изучения опытным экспертом, я же пока еще дилетант». Если два первых письма И. Н. Заволоко напечатаны на машинке, на бумаге со штампом редакции «Родной старины» и собственноручно только подписаны автором, то два следующих и почтовая открытка написаны полностью от руки, почерком, имитирующим скоропись, с киноварными обращениями к адресату и разрисованными заглавными буквицами. Все письма написаны по старой орфографии.

22 сентября 1929 г. И. Н. Заволоко уточняет предполагаемые сроки приезда Н. М. Беляева: «Выставка откроется 27 октября (нового стиля) и продолжится 10 дней. Ваша первая лекция состоится 29/X. Сообщите размер Ваших диапозитивов (8 × 8?). Тolle я написал письмо, желательно было б получить хоть небольшое количество репродукций и фотографий, если не для продажи, то на выставку. Хорошо бы получить фотографию иконописной мастерской, если таковая в Праге имеется».

В письме от 8 октября И. Н. Заволоко спешит известить Н. М. Беляева, что виза на въезд в Латвию ему выдана. «Привезите с собою греческие иконы, о которых Вы писали, и копии с фресок, — просит он. — На выставке предусмотрено представить отдельные периоды: фрески и мозаика, Новгород, Москва, Строгановы XVIII—XX вв., лицевые рукописи и церковное шитье. Поэтому копии с фресок и греческих икон более чем желательны». Кроме того, Иван Никифорович просил Н. М. Беляева привезти в Ригу работы Н. Г. Яшвил: «...особенно желательны образцы церковного шитья, которых у нас пока еще очень мало». Здесь же он просил передать Н. П. Толлю, что книгу И. А. Анисимова (имеется в виду его работа об иконе Владимирской Божьей Матери, выпущенная в Праге в 1928 г. в серии «Zografika») он получил, как и портрет Н. П. Кондакова. Таким образом выставка в Риге была задумана как во многом совместная с Институтом Кондакова. Последнее из посланий И. Н. Заволоко Беляеву в Прагу представляет собой почтовую открытку, датированную по штемпелю 19 октября 1929 г. Привожу ее полностью:

Многоуважаемый Николай Михайлович!

Сообщите, каким поездом приедете? Когда, и через Германию или Польшу? В крайнем случае, если разойдемся (я буду в поддевке темно-синего сукна и в пенсне, ждать буду недалеко от места, где у Вас отнимут билеты), идите в «Книжную лавку писателей». В Rivibas, 7, вход с Мельничной, недалеко от газеты «Сегодня». Там встретимся.

Ваш И. Н. Заволоко.

Однако, судя по имеющимся в нашем распоряжении материалам, по каким-то причинам Н. М. Беляев в Ригу так, по-видимому, и не приехал. В подробном отчете о выставке, напечатанном в № 8 «Родной старины» за декабрь 1929 г., ничего не сказано о Н. М. Беляеве. Если б он приехал, это несомненно было бы отмечено. Из лекций, прочитанных в дни выставки, названы три: проф. В. И. Синайского «О древнерусской иконе» (вряд ли она бы прозвучала, если бы присутствовал Н. М. Беляев!), его же лекция «Псково-Печерский монастырь» и лекция самого И. Н. Заволоко «Русское народное бытовое искусство». А ведь он писал Н. М. Беляеву, что в случае его приезда «никаких других докладов мы устраивать не будем». Вместе с тем в числе экспонатов выставки были названы в отчете цветные репродукции икон из коллекции пражского Семинария, очевидно, присланные Н. П. Толлем. Что же помешало Н. М. Беляеву приехать в Ригу? Этот вопрос пока остается без вразумительного ответа. Письма же Н. М. Беляева к И. Н. Заволоко мне тоже неизвестны. Они отсутствуют в фонде И. Н. Заволоко среди его переписки в Древлехранилище Пушкинского Дома. Учитывая судьбу Ивана Никифоровича после 1940 г. (арест и ссылка) и судьбу его первой коллекции, трудно было бы там их ожидать. Более вероятно, что какие-либо материалы, связанные с И. Н. Заволоко, могут обнаружиться в фондах других лиц в архиве Института Кондакова, хранящемся в Чешском институте искусствознания Академии наук.

События жизни Н. М. Беляева в октябре 1929 г. также можно проследить лишь при подробном изучении его личного фонда.

Впервые обнаруженные в пражском архиве письма И. Н. Заволоко к Н. М. Беляеву, которые на первый взгляд носят сугубо деловой характер, документально подтверждают неослабевающий интерес Ивана Никифоровича к мировой науке об искусстве Древней Руси и к вкладу в эту науку людей, справедливо названных в эмиграции «русской интеллектуальной элитой». Письма освещают важный эпизод деятельности рижской Гребенщиковской общины и самого И. Н. Заволоко, его очень конкретную работу по сохранению и изучению русской культуры за пределами родины.